

УДК 330.59

DOI: 10.34670/AR.2022.42.75.042

Специфика влияния финансовой политики на бедность в условиях пандемии

Шибakov Михаил Аркадьевич

Аспирант, Волгоградский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ;
400066, Российская Федерация, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: raydzin787@mail.ru

Трилицкая Оксана Юрьевна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: trilickaya_oksana@volsu.ru

Жемерикина Елена Борисовна

Ассистент кафедры экономической теории,
региональной экономики и предпринимательства,
Волгоградский государственный университет;
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: beg76@mail.ru

Аннотация

Понятие бедности в современном мире стало одной из часто обсуждаемых проблем современности, однако понимается это по-разному. В связи с различными условиями и причинами появления бедности у каждой страны должна быть разработана своя индивидуальная политика по ее сокращению. Цель данной статьи состоит в исследовании того, как различные развитые и развивающиеся страны борются с бедностью в период пандемии, когда появляется нехватка денежных ресурсов. Используя методы вторичного анализа данных и изучение мнений как отечественных, так и зарубежных ученых, авторы приходят к выводу, что универсальные подходы к сокращению масштабов бедности принесли мало успехов, и рекомендуется рассматривать бедность как глобальное явление, которое нужно изучать в каждой стране отдельно, основываясь на финансовом состоянии и проводимой финансовой политике, и решать эту проблему на местном уровне с использованием местных показателей. Если развитые страны уже имеют ресурсы и возможность бороться с бедностью, то развивающиеся страны, такие как Россия, должны сосредоточиться на удовлетворении основных потребностей своих жителей, разработать меры финансовой политики, которые позволят снизить и так большой процент бедных.

Данная проблема роста уровня бедности наиболее актуальна во время возникшей пандемии, когда из-за невозможности реализовывать свои товары и услуги часть предприятий закрывается, а люди остаются без места работы и средств к существованию. В качестве решения проблемы высокого уровня бедности в России, автором было предложено практическое мероприятие, которое, как показывает практика зарубежных стран, позволит перераспределить имеющиеся ресурсы в стране и поддержать бедное население в это тяжелое время пандемии.

Для цитирования в научных исследованиях

Шибakov М.А., Трилицкая О.А., Жемерикина Е.Б. Специфика влияния финансовой политики на бедность в условиях пандемии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 3А. С. 360-371. DOI: 10.34670/AR.2022.42.75.042

Ключевые слова

Развивающиеся страны, устойчивое развитие, концепции бедности, развитые страны, малый и средний бизнес, бедность, COVID-19, социальное неравенство.

Введение

Человечество на всех этапах его развития всегда находилось под влиянием процессов непрерывной трансформации, обусловленных влиянием различных факторов развития общества, политики, экономики, структурными преобразованиями системы общественного управления, формированием инфраструктуры экономики. Данные процессы не были лишены и влияния факторов внезапной природы, повышенного уровня риска. В 2019–2021 гг. таким фактором стала пандемия COVID-19, затронувшая практически все мировое сообщество.

Пандемия COVID-19 спровоцирована воздействием вируса SARS-CoV-2, о котором мир узнал в конце 2019 года (первая вспышка заболеваемости пневмонией неизвестного происхождения была зафиксирована в декабре 2019 года, а уже в январе 2020 года случаи инфицирования были зарегистрированы во всех провинциях Китая). 11 марта 2020 года представители Всемирной организации здравоохранения объявили о пандемии общемирового масштаба [Невинная, 2020; Шибakov, 2021].

К 1 июля 2020 года количество инфицированных по всему миру составило свыше 5 млн. человек. Правительства большинства стран мира предприняли ряд мер направленных на противодействие распространению инфекции. Одной из таких мер стало введение тотального карантина (локдауна) с запретом выхода из дома и перемещения граждан без крайней необходимости, как внутри регионов, так и между регионами, и на международном уровне. Под запретом также оказались массовые мероприятия, и любые скопления граждан, а также традиционные формы труда и занятости на рабочих местах. В совокупности все эти меры привели к созданию крайне депрессивных настроений в обществе, и формированию негативных последствий для экономик [Шеремет, 2020].

В выпущенной в тираж незадолго до пандемии книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» автор убедительно обосновывал, почему в XXI веке будут наблюдаться процессы концентрации капитала, так как уровень его доходности выше, чем уровень темпов роста экономики, соответственно, доходы на капитал способны генерировать в более высокий уровень богатства, чем доходы от трудовой деятельности. Данные процессы приведут к более высокой

концентрации капитала и формированию так называемого «наследственного капитализма» (когда наследуемый капитал составляет и генерирует источник дохода для следующих поколений) [Пикетти, 2016]. Сокращение социального неравенства, по мнению автора книги «Капитал в XXI веке», могло бы способствовать модернизации финансовой политики, проводимой в России путем введения шкал прогрессивного налогообложения. Чрезмерный разрыв между слишком богатыми и бедными влечет за собой нарастание болезней, социальной напряженности, политической нестабильности, поскольку ограничен круг возможностей, доступности и выбора услуг социальной помощи (медицины, образования, доступности качественного питания и пр.) у наименее защищенной части общества. Чрезмерное и постоянно нарастающее социальное расслоение приводит к выпадению из процессов общественной жизни и развития отдельных индивидов, социальных групп, общин. Именно по этой причине, в развитых странах Европы проблема бедности ставится на один уровень с проблемой феномена социального исключения, и считается одним из первоочередных вызовов социальной безопасности государств.

В России проблема бедности продолжает изучаться на уровне статических и динамических показателей (доход и потребление домохозяйств, накопление и взаимовлияние факторов жизненных обстоятельств), в то время как в передовых европейских исследованиях акцент делается на теории социального исключения и поиск способов выхода из сложившейся ситуации бедности посредством «жизненных шансов». Концепция социального исключения исходит из постулата о том, что источником неблагоприятных жизненных обстоятельств являются не низкие доходы в структуре национального благосостояния, а именно неравенство между представителями широких социальных групп. Дальнейшее игнорирование проблем социального неравенства может привести к фатальным угрозам существования всего общества, возможностям модернизации и развития государства.

Проблемы финансовой политики и борьба с бедностью

Проблема бедности и разработка мер финансовой политики в России сопряжена с культурно-историческими принципами организации и развитием социально-экономической системы. В целом, во всех странах постсоветского пространства обозначилась тенденция к формированию прослойки населения, каждое последующее поколение которого будет существовать в условиях бедности: так сложились не только обстоятельства, препятствующие трансформации по социальным лифтам, но и традиционные воззрения, привитые в семейном воспитании и передающиеся из поколения в поколение [Кубишин, Седлов, Соболева, 2021].

В сложившейся в отечественном теоретическом социально-экономическом правовом поле концепции оценки бедности применяется методика ее измерения по оценке соответствия расходов и доходов населения их медианным значениям. Таким образом, в рамках сложившейся концепции применяется два основных методических направления: 1) относительная монетарная бедность; 2) относительная немонетарная бедность. При первом подходе производится оценка доходов и расходов населения в сравнении с медианными значениями. При втором подходе бедность понимается как недостаточность ресурсов для обеспечения потребления по стандартам, сложившимся в данном обществе. По международным стандартам, индикаторами немонетарной бедности являются: употребление в пищу продуктов питания низкого качества, сниженный уровень потребления товаров и услуг первой необходимости, трудности в получении социально значимых благ образования и здравоохранения, плохие условия

проживания [Шабанов, 2020].

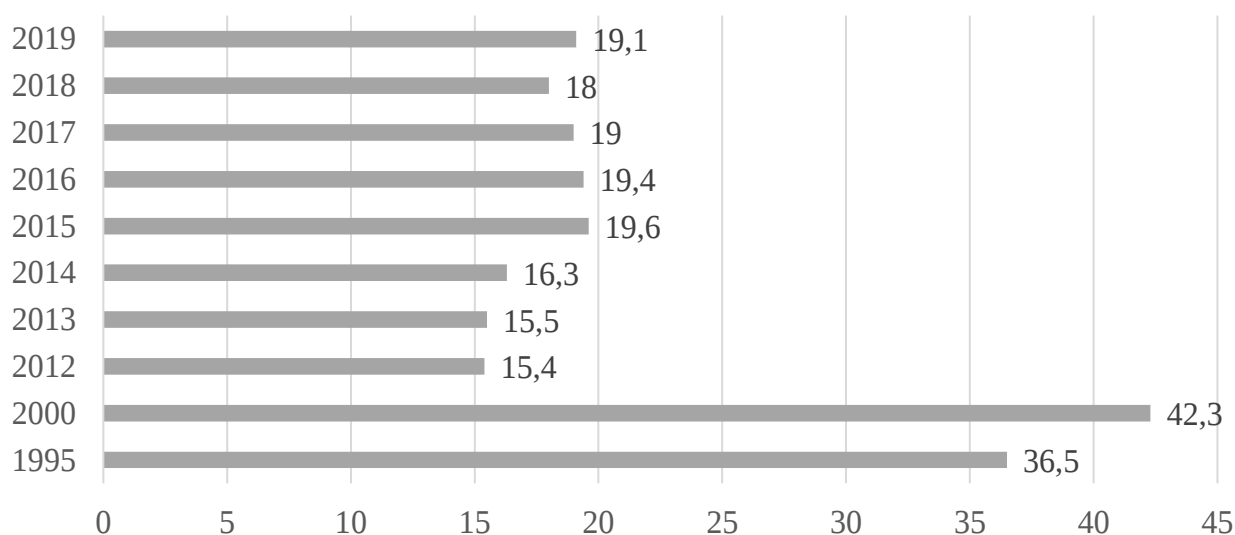
В последние годы Минтруд РФ выступал с резкой критикой методики оценки бедности, которая сложилась в России, вследствие чего с 2019 года инициирован процесс радикального пересмотра методологического инструментария расчета прожиточного минимума, а также пересмотр финансовой политики на уровне региона. До этого времени расчет прожиточного минимума осуществлялся по оценке потребительской корзины, в которую входил минимальный объем продуктов питания, расходов на непродовольственные товары, услуги, сборы и платежи, которые минимально необходимы для жизни человека на территории России. Оценка прожиточного минимума производится ежеквартально не только в целом на территории страны, но и в срезе социально-экономических групп населения (детей, взрослого трудоспособного населения, пенсионеров). С 2021 года прожиточный минимум населения перестал быть зависимым от продовольственной корзины, а стал исчисляться на основе удельных показателей доходов населения, что позволило осуществить первые шаги перехода от концепции абсолютной к концепции относительной бедности [Замахина, 2020]. Для снижения уровня бедности Минтруд РФ в середине 2020 года предложил «Примерную региональную программу снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума», которая ставит целью снизить уровень бедности к 2024 году в 2 раза через снижение дефицита располагаемых ресурсов в малоимущих семьях, в том числе в расчете на семью и на члена семьи, распределение и дифференциация денежных доходов населения.

В соответствии с пересмотром методики расчета, по предполагаемой оценке специалистов, величина прожиточного минимума (11 653 руб.) с 2021 года должна составлять в среднем 44,5% от медианного значения среднедушевого дохода населения 2019 года, и эта величина подлежит ежегодному пересчету и уточнению. Несмотря на переход к новой доходной планке, она по-прежнему остается весьма далекой от практики определения черты бедности в социально-ориентированных странах Европы [Осипова, 2020].

О показателях монетарной бедности с конца XX века можно судить по результатам выборочных наблюдений проводимых Росстатом (последние данные до пандемии были опубликованы за 2019 год). На рисунке 1 представлены результаты оценки численности бедных в Российской Федерации по данным Росстата в 1995–2019 гг.

В социально-экономическом аспекте оценки бедности: 51,4% бедного населения проживают в сельской местности или на территориях малых городов (с населением менее 50 тыс. человек). Более 90% домохозяйств, относящихся к бедным, имеют несовершеннолетних детей, из них 20,4% имеют одного ребенка, 35,1% – двух детей, 44,5% – трех и более детей. Также важно заметить, что 31% из общей численности бедных относятся к так называемым «работающим бедным», а 29,2% из выборки – люди трудоспособного возраста, но неработающие бедные. Неработающие пенсионеры составляют 8,2% выборки, что позволяет сделать вывод о том, что в условиях спокойно функционирующей рыночной экономики допандемийного периода, занятость населения является мощным и эффективным фактором преодоления бедности и повышения уровня благосостояния населения [Осипова, 2020].

Влияние пандемии на экономику в стране проявилось в виде совокупного фактора и нарастания трудностей комплексного характера: уменьшение объема инвестиционных ресурсов, нарастание динамики инфляции, падение спроса и, как следствие, мировых цен на энергоносители и другие виды традиционного российского экспорта (например, руды черных и цветных металлов).

Источник: составлено по [Ломская, 2020]

Рисунок 1 – Динамика численности бедных в Российской Федерации в 1995–2019 гг., млн. чел.

Бедность и пандемия как глобальные явления

Пандемии в средние века были достаточно традиционным и постоянным явлением, которые становились своего рода регулятором продолжительности жизни и численности населения. К XVIII веку, когда от многих известных эпидемий были изобретены вакцины и лекарственные средства, возникли экономические инструменты поддержки граждан и экономики в период массовых инфекционных и вирусных заболеваний: это механизмы страхования, коллективного фонда благосостояний, индивидуальных сбережений, иных мер коллективной безопасности. История знала одно из самых страшных последствий пандемий для человечества: вирус испанки в 1918–1919 гг. поразил более 20% населения планеты и стал летальным для 2,5–5% населения земли. Испанка принесла значимые негативные экономические последствия: обороты международной торговли снизились, по разным данным, на 40–70%, и единственным бизнесом, который не только не утратил своих позиций, но и получил расцвет в данный период – это фармацевтика, производство и продажа лекарственных препаратов [Шеремет, 2020].

Современные процессы глобализации и ускорения потоков перемещения между странами сделали процессы распространения пандемии еще более быстрыми, а повышенная плотность городского населения стала значимым фактором распространения инфекции преимущественно среди городского населения. В связи с этим, свое распространение получили качественно новые процессы в государственном управлении и общественном развитии. Между государством и его гражданином заключается негласный контракт, по которому государство гарантирует безопасность, охрану жизни и здоровья своих граждан. Но события последних лет показали, что этот «контракт» нарушается, а государство, в силу стремления к экономии издержек, все в меньшей степени гарантирует выполнение своих обязательств. Так, отход от принципов

устройства социального государства как нельзя более явно демонстрируется в США – одной из богатейших стран мира, в которой около 30 млн. ее граждан не имеют средств на полноценную медицинскую страховку. В беднейших странах население вообще лишено качественной медицинской помощи в силу неразвитости системы здравоохранения и традиционных формантов медицинского обеспечения (это продемонстрировано на примере распространение коронавирусной инфекции в штатах Индии). Поэтому условия современной реальности таковы, что государство превратилось в экономического игрока, нежели социального агента, и стремится к сокращению расходов бюджетов на выполнение социальных обязательств, а это говорит о том, что государство в современном понимании не реализует свои властные функции и полномочия [Чернявский, Чепель, 2021].

Всеобщий социально-экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, обнажил проблему неготовности государства к защите жизни и здоровья своих граждан, в период активного роста и распространения заболеваемости, которое проявилось в острой нехватке средств оказания медицинской помощи, индивидуальной защиты: масок, перчаток, кроватей, аппаратов для искусственной вентиляции легких и прочего. Достаточное количество этих ресурсов зависит от государства, а не предпринимательских структур, в ряд которых пытается поставить себя государство. Перед политиками всего мира встала очевидная проблема: зависимость состояния экономики от состояния здоровья населения, того общества, которое населяет территорию региона, страны, субъекта. Здесь феномен бедности как нельзя более четко проявился в истории возникновения пандемии: рынок одной из беднейших китайских провинций, на котором продукты животного происхождения продают и покупают сами бедные; фактор высокой плотности населения, вынужденно проживающего на ограниченном пространстве территорий, крайне ограниченные жизненные условия; необходимость изнуряющего труда; отсутствие страховки для обращения за медицинской помощью – все это стало спусковым механизмом распространения пандемии по преимущественно бедным районам, а далее – по всему миру [Шеремет, 2020].

Эти примеры продемонстрировали уникальный факт современности: разительную бедность в самых богатейших экономиках мира (китайской и американской), что послужило толчком к развитию на мировом уровне дискуссий о соотношении экономики и человеческой жизни, и о направлениях трансформации дальнейшей социально-экономической модели устройства будущего. Основными проявлениями кризиса в экономике всех стран стало то, что потребители оказались вынужденно ограничены в перемещении, предприниматели потеряли прибыль и уволили сотрудников, а среди экономически активного населения резко вырос уровень безработицы и упали доходы. Сокращение инвестиций и банкротство корпораций привело к повышенному давлению и финансовой нагрузке на финансовую и банковскую системы [Осипова, 2020]. Итогом стал пересмотр финансовой политики в развитых странах, вследствие чего люди, находившиеся за чертой бедности, получили существенную финансовую поддержку от государства.

Правительство каждой из стран мира выбрало свой путь преодоления коллапса. Например, по британской модели, правительство пошло по пути «самоиммунизации населения», когда ограничения были минимизированы во имя того, чтобы сохранить потребительский спрос и покупательскую способность населения, таким образом, принеся в жертву часть населения. Правительства Германии и Франции также длительное время старались «не замечать» кризис, и впоследствии применение тактики британской модели, в которой пришлось пожертвовать

жизнями наименее защищенных, бедных, а также пожилых людей – было сильно раскритиковано, хотя акцент был сделан на экономическое выживание более сильных, экономически активных и успешных молодых людей.

Финансовая политика и проблема бедности в России в условиях пандемии

По прогнозным оценкам, влияние пандемии еще будет оказывать значимое воздействие на всю мировую экономику, в частности, прогнозируется, что к 2022 году объем международной торговли сократится еще на 15% [Акиндинова, Баранов, Бессонов, 2021; Волков, 2020; Зайцев, 2020]. В мировом срезе за чертой бедности оказалось более 34 млн. человек, а при сохранении принципов политики социально-экономического развития, численность находящихся за гранью нищеты возрастет до 130 млн. человек к 2030 году, и более чем половина этих показателей придется на отстающие страны Африки. В других странах, в частности, в России, пандемия нанесла наибольший урон по людям, занятым в секторе низкооплачиваемого труда, чья деятельность не требует высоких навыков квалификации, в то время как высококвалифицированный персонал пострадал в меньшей степени (например, за счет того, что работодатель перенес выполнение трудовых обязанностей в режим онлайн, сохранив наиболее высокий из возможных уровней оплаты труда). В результате стало еще большее нарастание разрыва между богатыми и бедными. В России этот факт можно проиллюстрировать на примере роста доходов долларовых миллионеров: за период карантина их совокупный доход возрос на \$62 млрд, или на 16% (с \$392 млрд до \$454 млрд) [Ляликова, 2020]. Наряду с этим, за период пандемии объем реально располагаемых доходов населения снизился на 8% в среднегодовом выражении, и данный показатель является наиболее крупным с 1999 года [Ломская, 2020; Экономика и экономическая политика 2021]. Несмотря на декларируемые государством меры поддержки наиболее незащищенных частей населения в период пандемии, «богатые становятся богаче, а бедные – еще беднее».

Помимо официальной статистики оценки бедности, в России существуют инструменты социологических измерений, которые в 2020 году показали, что большинство граждан России в период пандемии столкнулись с экономическими трудностями. Проведенный в сентябре 2020 года опрос общественного мнения показал, что, по субъективной оценке граждан, их материальное положение оценивалось как «тяжелое» или «нестабильное»:

- 6,5% опрошенных ответили, что они живут в условиях нищеты или крайней бедности («материальных средств не хватает даже на приобретение продуктов питания»);
- 22,5% опрошенных ответили, что «денег хватает только на приобретение продуктов питания»;
- 54% респондентов отмечали, что их материальных ресурсов хватает лишь на приобретение минимально необходимых продуктов питания и одежды;
- 13,8% опрошенных, помимо продуктов питания и одежды могли позволить себе приобретать товары длительного пользования;
- 3,2% отвечали, что «могут не отказывать себе ни в чем» [Осипова, 2020; Ищенко-Падукова, Мовчан, 2020; Ляликова, 2020].

Авторы опроса отмечали, что по выделенным критериям самооценки материального благосостояния россиян не выявлено существенных сдвигов в структуре распределения по

сравнению с результатами аналогичного опроса проведенного в июне 2019 года. Соответственно, в условиях пандемии COVID-19 силами самостоятельного обеспечения доходов и занятости, а также при поддержке государства, коммерческих и финансовых структур удалось снизить влияние социально-экономических рисков в обществе. Социально-экономическая структура общества фактически осталась неизменной (рисунок 2):

Рисунок 2 – Социально-экономическая структура российского общества в 1993–2020 гг. по самооценке собственного экономического состояния граждан [Осипова, 2020]

Социально-экономическая структура граждан, представленная на рисунке 2, состоит из следующих категорий:

- «богатые» оценивают свое материальное состояние достаточным для того, чтобы «ни в чем себе не отказывать»;
- «обеспеченные» оценивают свое материальное положение на уровне, достаточным для того, чтобы по мере возникновения необходимости приобретать товары длительного пользования (холодильник, телевизор и пр.);
- «ограниченные в средствах» граждане могут позволить приобретать продукты питания, товары первой необходимости, одежду, но приобретение товаров длительного пользования ограничено;
- «бедные» – материальных ресурсов хватает только на приобретение достаточного объема продуктов питания;
- «нищие» – материальных средств не хватает даже на продукты питания и товары первой необходимости.

Однако на фоне сохранения равновесной структуры в социально-экономическом положении общества наблюдался все больший разрыв дистанции между богатыми и бедными категориями граждан. Реальные располагаемые доходы граждан сократились на 8%. Таким образом, для российского общества в условиях пандемии сложилась достаточно парадоксальная ситуация: сохранения социально-экономической структуры при паталогическом нарастании бедности в

группах с низкими и ниже средними доходами граждан. При этом «средний класс» в этой структуре играет достаточно слабую роль: его численность практически незначима для того, чтобы существенно изменять соотношение в социально-экономическом распределении в обществе. Аналитики также отмечают, что в субъективном массовом экономическом сознании граждан нарастал уровень тревожности, связанный с рисками и неопределенностью дальнейшего развития ситуации, и все в большей степени, в нем стали проявляться семантические категории «дороговизна жизни», «повышение цен на продукты питания», «повышение тарифов ЖКХ», «разрыв между богатыми и бедными», «отсутствие поддержки от государства», «произвол чиновников» и прочее. Каждый четвертый гражданин считал, что его доходы значительно снизились в период пандемии, а каждый второй – признает себя «ограниченным в средствах».

Выводы

Последствия пандемии коронавируса принесли спад экономики по всему миру, частичное закрытие компаний малого и среднего бизнеса, рост массовой безработицы. В большей или меньшей степени, в зависимости от благосостояния той или иной страны, эти проблемы коснулись всех. Особенно серьезно пандемия обнажила проблемы бедности, поскольку эпидемия COVID-19 заморозила на время или, в каких-то случаях, полностью уничтожила малый и средний бизнес, много людей осталось без работы и средств к существованию. Еще больше увеличился разрыв между богатыми и бедными.

Оказавшись в такой ситуации, большинство государств начало подстраивать свою финансовую политику под текущие реалии, включающие меры поддержки малого и среднего бизнеса, а также гражданам, оказавшимся в затруднительном финансовом положении. Такие страны как США, Японии, Германии и ряд других решили выплачивать гражданам фиксированные суммы, которые не только помогут им пережить трудное время, но и простимулируют спрос, что, в свою очередь, поддержит бизнес [COVID-19 pandemic ..., 2020]. Где-то на деньги государства могут рассчитывать все без исключения, а где-то – только безработные или самозанятые, все зависит от финансов и финансовой политики государства.

В начале кризиса Россия категорически отказывалась от так называемых «вертолетных денег», но потом семьям с детьми была выделена поддержка. В последующем граждане России могли рассчитывать на денежные выплаты, только если они потеряли работу после 1 марта 2020 года и обратились в службу занятости. Им положено было пособие в размере МРОТ – 12 130 рублей, в Москве – 19 500 рублей. Также до 1 июня 2021 года семьи, имеющие право на материнский капитал, получали по 5 тысяч рублей на каждого ребенка в возрасте до трех лет, что смягчило, но не решило проблему, которая образовалась в период пандемии.

Таким образом, чтобы избежать все большего разрыва между богатыми и бедными, предлагается модернизировать финансовую политику путем добавления прогрессивной шкалы налогообложения, а высвободившиеся ресурсы отправить на поддержку регионов страны, для разработки финансовой политики через трансферты и субсидирование, а также адресную поддержку семей с детьми и самым проблемным слоям общества (инвалиды, пенсионеры).

И решать эти проблемы необходимо в самые кратчайшие сроки, иначе малый и средний бизнес без покупательной способности населения разорится.

Библиография

1. Волков Г. Ю. Перспективы восстановления мировой экономики в постпандемийный период в рамках разноточных сценариев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. 2020. № 3. С. 103-109. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-103-109.
2. Зайцев Ю. К. Меры денежно-кредитной и фискальной политики в период экономического кризиса COVID-19 в России // Финансы: теория и практика. 2020. № 24(6). С. 6-18. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-6-18.
3. Замахина Т. Минимум покажет рост. Одобрена новая методика расчета МРОТ // Российская газета. 2020. Федеральный выпуск № 255 (8309). URL: <https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-novuiu-metodiku-rascheta-mrot.html?tgml>.
4. Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2020. № 3. С. 116-120. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-116-120.
5. Кубишин Е. С., Седлов А. П., Соболева И. В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 1. С. 56-70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70.
6. Ломская Т. Реальные доходы россиян во втором квартале рухнули на 8%. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/405299-realnye-dohody-rossiyan-vo-vtorom-kvartale-ruhnuli-na-8> (дата обращения: 22.04.2021).
7. Ляликова Л. Российские миллиардеры разбогатели за время пандемии на \$62 млрд. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/401395-rossiyskie-milliardery-razbogateli-za-vremya-pandemii-na-62-mlrd/> (дата обращения: 22.04.2021).
8. Невинная И. Глава ВОЗ объявил пандемию коронавируса COVID-19 // Российская газета. 11.03.2020. URL: <https://clck.ru/bFBjX>.
9. Осипова Г. В. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Осипова Г. В. и др.; под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В. К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. 532 с. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. А. Дунаев. М.: АД Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
11. Чернявский А. В., Чепель А. А. Бюджетная политика в период пандемии // Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики: докл. к XXII Апр. между нар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 76-91. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.
12. Шабанов В. Л. Депривационный подход в исследованиях бедности // Теория и практика общественного развития. 2020. № 4 (146). С. 117-121. DOI: 10.24158/tipor.2020.4.1
13. Шеремет А. Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136-141.
14. Шibaков М. А. Динамика бедности и сокращение масштабов малообеспеченности в развивающихся странах // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9, № 2. С. 31-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.4>
15. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / Под ред. д-р экон. наук Кудрина А.Л. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 344 с. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-6-18.
16. COVID-19 pandemic: Financial stability implications and policy measures taken // Financial Stability Board. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P150420.pdf> (accessed 27.02.2022).

Specifics of the impact of financial policy on poverty in a pandemic

Mikhail A. Shibakov

Postgraduate Student,
Volograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
400066, 8, Gagarina st., Volograd, Russian Federation;
e-mail: raydzin787@mail.ru

Oksana Yu. Trilitskaya

PhD in Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management and Marketing,
Volgograd State University,
400062, 100, Universitesky ave., Volgograd, Russian Federation,
e-mail: trilitskaya_oksana@volsu.ru

Elena B. Zhemerikina

Assistant of the Department of economic theory, regional economy and entrepreneurship,
Volgograd State University,
400062, 100, Universitesky ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: beg76@mail.ru

Abstract

The concept of poverty in the modern world has become one of the frequently discussed problems of our time, but it is understood in different ways. Due to the different conditions and causes of poverty, each country should develop its own individual policy to reduce it. The purpose of this article is to study how various developed and developing countries are struggling with poverty during the pandemic, when there is a shortage of monetary resources. Using the methods of secondary data analysis and studying the opinions of both domestic and foreign scientists, the authors came to the conclusion that universal approaches to poverty reduction have brought little success, and it is recommended to consider poverty as a global phenomenon that needs to be studied in each country separately, based on the financial condition and the financial policy pursued, and to solve this problem at the local level using local indicators. If developed countries already have the resources and the ability to fight poverty, then developing countries, such as Russia, should focus on meeting the basic needs of their residents, develop financial policy measures that will reduce the already large percentage of the poor. This problem of increasing the level of poverty is most relevant during the pandemic that has arisen, when due to the inability to sell their goods and services, some enterprises are closed, and people are left without a place of work and means of livelihood. The article aims to analyze poverty and the financial policy undertaken by states. As a solution to the problem of the high level of poverty in Russia, the author proposed a practical event, which, as the practice of foreign countries shows, will allow to redistribute the available resources in the country and support the poor population in this difficult time of the pandemic.

For citation

Shibakov M.A., Trilitskaya O.Yu., Zhemerikina E.B. (2022) Spetsifika vliyaniya finansovoy politiki na bednost' v usloviyakh pandemii [Specifics of the impact of financial policy on poverty in a pandemic]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 12 (3A), pp. 360-371. DOI: 10.34670/AR.2022.42.75.042

Keywords

Developing countries, sustainable development, poverty concepts, developed countries, small and medium-sized businesses, poverty, COVID-19, social inequality.

References

1. Volkov G. Ju. (2020) Perspektivy vosstanovleniya mirovoj jekonomiki v postpandemijnyj period v ramkah raznosrochnyh scenarij [Prospects for the recovery of the world economy in the post-pandemic period in the framework of multi-term scenarios] *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenyye zapiski Severo-Kavkazskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [State and municipal administration. Scientific notes of the North Caucasian Academy of Public Administration], no. 3, pp. 103-109. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-103-109.
2. Zajcev Ju. K. (2020) Mery denezhno-kreditnoj i fiskal'noj politiki v period jekonomicheskogo krizisa COVID-19 v Rossii [Monetary and fiscal policy Measures during the COVID-19 economic crisis in Russia]. *Finansy: teorija i praktika* [Finance: theory and practice], no. 24(6), pp. 6-18. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-6-18.
3. Zamahina T. (2020) Minimum pokazhet rost. Odobrena novaja metodika rascheta MROT [The minimum will show growth. A new methodology for calculating the minimum wage has been approved]. *Rossijskaja gazeta – Federal'nyj vypusk* [Russian newspaper - Federal Issue], no. 255 (8309). URL: <https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-novuiu-metodiku-rascheta-mrot.html?utm>.
4. Ishhenko-Padukova O. A., Movchan I. V. (2020) Transformacija institutov social'no-jekonomicheskoy politiki v uslovijah dolgosrochnoj virusnoj pandemii [Transformation of socio-economic policy institutions in the context of a long-term viral pandemic]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenyye zapiski Severo-Kavkazskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [State and municipal administration. Scientific notes of the North Caucasian Academy of Public Administration], no 3, pp. 116-120. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-116-120.
5. Kubishin E. S., Sedlov A. P. (2021) Bednost' v Rossii: metodologija izmerenija i mezhdunarodnye sravnenija [Poverty in Russia: measurement methodology and international comparisons]. *Vestnik Instituta jekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], no. 1, pp. 56-70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70.
6. Lomskaia T. (2020) Real'nye dohody rossijan vo vtorom kvartale ruhnu li na 8% [Real incomes of Russians in the second quarter collapsed by 8%]. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/405299-realnye-dohody-rossijan-vo-vtorom-kvartale-ruhnuli-na-8> (accessed 22.11.2021).
7. Ljalikova L. (2020) Rossijskie milliardery razbogateli za vremja pandemii na \$62 mlrd [Russian billionaires got rich during the pandemic by \$ 62 billion]. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/401395-rossijskie-milliardery-razbogateli-za-vremja-pandemii-na-62-mlrd/> (accessed 22.11.2021).
8. Nevinnaja I. (2020). Glava VOZ objavil pandemiju koronavirusa COVID-19 [The head of WHO announced the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 11.03.2020. URL: <https://clck.ru/bFBjX>.
9. Osipova G. V. (2020) *Rossijskoe obshchestvo i gosudarstvo v uslovijah pandemii: social'no-politicheskoe polozenie i demograficheskoe razvitie Rossijskoj Federacii v 2020 godu* [Russian society and the State in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020]. Ed. Osipova G. V., Rjazanceva S. V., Levashova V. K., Rostovskoj T. K. Moscow, ITD “PERSPEKTIVA”, 32 p. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
10. Piketti T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Interpr. A. Dunaev. Moscow, AD “Marginem Press”, 592 p.
11. Chernjavskij A. V., Chepel' A. A. (2021). Bjudzhetnaja politika v period pandemii [Fiscal policy during the pandemic]. *Makroekonomicheskie jeffekty pandemii COVID-19 i perspektivy vosstanovlenija jekonomiki: dokl. k XXII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshchestva* [Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for Economic Recovery: Report to the XXII Apr. International Scientific conference on Economic and Social Development]. Moscow, “High School of Economics” Publ., pp. 76-91. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-5-30.
12. Shabanov V. L. (2020) Deprivacionnyj podhod v issledovanijah bednosti [Deprivation approach in poverty research]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], no. 4 (146), pp. 117-121. DOI: 10.24158/tpor.2020.4.1.
13. Sheremet A. N. (2020) Pandemija neravenstva. Social'no-jekonomicheskie aspekty i posledstviya COVID-19 [A pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19]. *Medicina. Sociologija. Filosofija. Prikladnye issledovanija* [The medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research], no. 4, pp. 136-141.
14. Shibakov M. A. (2021) Dinamika bednosti i sokrashcheniye masshtabov maloobespechennosti v razvivayushchikhsya stranakh [Dynamics of Poverty and Reduction of Low Income Population in Developing Countries]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 9, no. 2, pp. 31-39. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.4>
15. Kudrina A. L. (2021) *Jekonomika i jekonomicheskaja politika v uslovijah pandemii* [Economics and economic policy in the context of a pandemic]. Moscow, “Gaidar Institute” Publ., 344 p. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-6-18.
16. COVID-19 pandemic: Financial stability implications and policy measures taken (2020) *Financial Stability Board*. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P150420.pdf> (accessed 27.01.2022).